(Подражательный перевод из Делиля)

Ты видишь ли сего несчастнейшего в мире,
Которому тиран Сицилии на пире
Пред чашею златой с пенящимся вином
С улыбкой руку жмет за дружеским столом?
Трепещет грудь его... чело его, ланиты
То смертной бледностью, то краскою покрыты,
Притворству изменив, как будто говорят,
Что внутрь души его гнездится целый ад,
Что дружество сие и сладкие беседы
Лишь ставят сеть ему — готовят смерть иль беды.
Борясь с сомненьем сим, несчастна жертва мук,-
Подъемлет чашу он с дрожаньем страшным рук,
К синеющим губам с насилием подносит,
То после, отклонив, опять со страхом просит
От чаши роковой его освободить:
Он хочет тысячью благих причин прикрыть
Извет свой, и боязнь, и робкие сомненья,
Подозревая всех, страшится подозренья...
Воззри: блуждающий он всюду мещет взгляд —
И в каждом блюде зрит себе сокрытый яд;
Меж тысячью сих яств избранных, утонченных,
Богиней роскоши и вкусом подслащенных,
Он тщетно силится хотя одну из них
Поднесть к устам своим: один уж запах их
Всю внутренность его волнует, подымает,
Отравою дышит и смертью угрожает.
Толпы наперсников, ласкателей, друзей
Спешат наперерыв из ревности своей
Изречь у ног его любви обеты вечны
И клятвой чувствия запечатлеть сердечны.
Но он к обетам сим, ко гласу дружбы глух:
Его смущенный ум и развлеченный слух

С предмета на предмет с боязнью пролетает,
И в каждом из друзей врага он встретить чает;
Он слышит в похвалах злодейский заговор,
И в слове "дружество" — свой смертный приговор.
В чертогах гордых, где все блеском ослепляет
И к сладким чувствиям желанья призывает,
Где изобилие, с искусством съединясь,
Оскабя взор, к нему манит его всяк час,-
Сидит, величием отвсюду окруженный,
Но в думы мрачные, в догадки погруженный:
То исступленный вдруг бросается назад,
То вдруг, остановясь, кидает дикий вигляд
На стены вкруг, огнем и златом освещенны,
На своды, в хрусталях волшебно отраженны...
Он мещет взор — и мнит с трепещущей душей,
Что каждое из сих сверкание огней
Есть острый над его висящей меч главою
Иль в грудь направленный невидимой рукою...
Вот недоверчивость! Вот слабые черты
Ее терзания и адской черноты!
Таков есть вид ее при торжествах и пире! —
Он гнусен в рубище, он жалок и в порфире.
Но это ли одно!.. Дыханье уст ея
И в самый нектар желчь сомнения лия,
И сладость райского блаженства отравляет:
Она против себя ж кинжал свой изощряет,
Ничтожным призракам дарует существо
И облекает тень пустую в вещество.
Творя из ничего всечасно бедства новы,
Во всем зрит замыслы и вредоносны ковы,
Случайность слабая, минутные мечты
Для ней суть точные погибели черты,-
И непорочные душевны помышленья
Вменяются от ней в злодейски преступленья.
Все, все ее страшит — и тысячи химер,

Рожденных ею же, надутых выше мер,
То шествию ее преграды поставляют,
То бездну гибели под нею изрывают.
Так некогда в глуши обширнейших лесов
Безумны смертные страшились злых богов
И с трепетом в груди перун тот обожали,
Который собственны их руки созидали.
Какой божественный, какой священный глас
Сильнее трогает и поражает нас,-
Когда не дружбы глас, сладчайший и природный,
Взывающий ко всем: что каждый нам подобный
На чувства нашея любви, на помощь сил
Священные права с дыханьем получил?
Какую всех живей мы чувствуем потребу,
Котору в нас влиять угодно было небу,-
Когда не нужду жить в сообществе людей
И жребий наш делить со жребием друзей,
С восторгом их сливать восторг души усердной,
На вздох их отвечать слезой нелицемерной,-
И в каждой сей слезе, в грудь друга пролитой,
Источник счастья зреть, живящий нас собой?
Один лишь ты, один внутри твоей утробы,
Жегомый пламенем тебе присущей злобы,
Один лишь ты лишен отрады той навек,
Котору в дружестве находит человек.
Тебе лишь одному неведома бесценна
Цена доверия, толико вожделенна.
Напрасна тайна та, котору ты сокрыл
Внутрь сердца твоего и долго так хранил,
Напрасно тайна та тебя обременяет
И за предел души исторгнуться желает,
В какую нежну грудь ее ты излиешь?
Каких друзей и где друзей себе найдешь?
Друзей?.. Тебе ль любить!.. В твоей душе тиранской
В яд претворяется любви источник райский.

Из трав, носящих яд, пчела готовит мед —
И сладость горести сим медом придает.
Ты — черный яд и желчь из меда составляешь
И чашу сладостей отравой растворяешь.
Твой мрачный злобы дух и в дружестве святом
Предвидит ненависть, тебе грозящу злом;
Твоя ревнивая любовь тебя снедает,
Из подозрения в терзанья повергает,
И демон мстительный, тебе гоняясь вслед,
Всю связь и узы все твои с природой рвет,
Нет боле для тебя родных, собратий кровных,
Ты чужд сих сладких чувств, чувств братних и сыновних,
Нет боле для тебя усердных сограждан —
Меж ними ты живешь, но злоба, твой тиран,
Меж ними и тобой преграды поставляет:
И для тебя навек все в свете умирает...
Взгляни!.. ты в нем один! Беги ж в ущелья гор,
Куда бы не проник твоих собратьев взор,
Где дух твой, мучимый безумьем исступленья,
Лишь к богу одному питал бы подозренья;
Где в страшном зрится всебезмолвьи вещество
И с смертью борется бесплодно естество,-
Там бытие свое ты разделяй с скалами
Или с подобными тебе же существами!
Сокройся — и не льстись зреть смертных никогда,
Которых вид тебя приводит в страх всегда;
Ты мертв уж для всего: в груди твоей биенье
Не сколько жизни знак, сколь страха ощущенье,
Не столько хладный труп под гробовой доской
Ужасен для людей, как образ твой живой.
Любовь, и дружество, и нежно вспоминанье
И в самом гробе с тем делят существованье;
Ты в жизни дружества сладчайших чувств лишен,
И гроб не будет твой слезою орошен!..
Твой гроб?.. Но чья рука, водима сожаленьем,

Твой хладный прах предаст гробнице в сохраненье?
Несчастный!.. Может быть, средь дебрей, иль степей,
Иль на распутий падешь ты без людей.
Быть может, стая псов, снедаемых алчбою,
Нашед твой смрадный труп, завоет над тобою,
И средь безмолвия, в глубокой тьме ночной,
Сей ужасающий, пронзительный сей вой
Надгробный будет гимн над ненавистным прахом...
И путник трепетный, объятый смертным страхом,
Один свидетелем лишь будет сцены сей —
Как праведно казнен враг бога и людей.
[1818]